

Секта

Василий Озеров

Том первый.

ОСКОЛКИ

Анна

Секта

Василий Озеров

Секта Анти Секта.
Том первый. Осколки

«Издательские решения»

Озеров В. Н.

Секта Анти Секта. Том первый. Осколки / В. Н. Озеров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901004-9

Молодой учёный Вилор Зимин добровольцем уходит на фронт сразу после мединститута и работает в полевом госпитале, где он открывает новые препараты для борьбы с травмами и ранениями. В наступившей вскоре мирной жизни происходят события, которые вынуждают задуматься о себе: нерушимая любовь даёт трещину, а сам он оказывается в на Лубянке, в лаборатории МГБ, где заставляют работать над «пилюлей бессмертия». В камере героя начинают преследовать видения прошлого. Трилогия об алхимии материи и души.

ISBN 978-5-44-901004-9

© Озеров В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Секта Анти Секта Том первый. Осколки

Василий Николаевич Озеров

*Гоголю Николаю Васильевичу
посвящается этот роман.*

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Василий Николаевич Озеров, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-1004-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Стоять здесь, у машины; надо подождать, – худощавый и очень высокий охранник был в паре с каким то безликим коротконогим коллегой. Они подвели Зимина к чёрной, и, видимо, не так давно вымытой «Эмке», застыв от него в полуметре, впрочем, не сводя с последнего глаз.

«Ну и зря беспокоятся», – промелькнула быстрая и резкая мысль. Ему и в голову не приходило куда то там бежать. Ведь бежать было бесполезно, не нужно, и, к тому же, бессмысленно.

Охранники стояли с нарочито скучающими лицами, однако он сам, как мастер наблюдения, видел, что его «держат на мушке».

Тягуче медленно тянулось время, иногда ему казалось, что оно остановилось навсегда, застыло, как кадр на киноплёнке, внезапно затормозившийся в своём постоянном и безудержном мелькании.

Толстый коротконогий гэбист наигранно потряхивал чёрной, и, такой же тупой с обоих концов, как, впрочем, и он сам, дубинкой, и делал вид, что ему невыносимо скучно. Возможно, так оно и было на самом деле, ведь рутина создаёт скуку. Стоять с палкой охранника, помахивая ею, как прожжённый таксист ключами автомобиля, было его работой.

Наконец из подъезда дома выскочили ещё трое чекистов во главе с седоусым майором, который, бросив короткое: «Домой!», уселся на пассажирское место рядом с водителем, а Вилора Зимина охранявшие его затолкали в середину заднего сиденья, зажав его своими «прошипованными» насквозь телами с обеих сторон. Остальные шустро попрыгали в стоящее рядом другое авто.

– Позвольте узнать, далеко мы направляемся, и что всё это значит?, – спокойным голосом, но зная, что совершенно напрасно, полюбопытствовал Зимин.

– Как это «куда», уважаемый профессор, – полуобернулся к нему влево и назад седоусый, – сам должен понимать, куда, после этих обысков в ваших апартаментах.

На Лубянку, конечно, же, куда же ещё, просто вам, как профессору и учёному говорю. Вы белая косточка советской науки, если можно так выразиться, поэтому и заслуживаете моё внимание. Вы обо всём узнаете, вам будет предъявлено официальное обвинение. При обыске вы настаивали о встрече с Грозовым или Берией.

Эк, куда хватили, уважаемый. Одних уж нет, а те далече...

Лаврентий Павлович сейчас занят работой с вашими коллегами, – врачами-наоборот, то есть, отравителями. Поэтому Вам полезно будет посидеть в камере, быть может вспомните на досуге, куда всё же пропала «Белая тетрадь»?

– Не понимаю. О чём Вы, товарищ майор, я давно...

– Теперь я для Вас гражданин майор, – повторяю, обвинение в измене Родине Вам предъявят по прибытию на место. И всё Вы, Зимин, прекрасно понимаете, не надо корчить из себя невинную овечку. Мы эту шкурку с Вас быстро снимем. Вы давали подписку о неразглашении государственной тайны?

– Да, давал, Вам же отлично известно, что я работал в закрытом институте. Так что пока я говорить ничего не обязан, моей вины нет ни в чём, *гражданин* майор. Вилор теперь подчеркнул слово «гражданин», сделав на нём едва уловимый акцент.

Машина начала резко петлять в узких улочках столицы, и, наконец, после десятка таких поворотов, остановилась у старинного двухэтажного особняка, где то вблизи от памятника зловещему рыцарю революции пролетариата, как понял тогда Вилор, уже неплохо ориентировавшийся в центре города.

Все выскользнули из машин и прошли внутрь здания через единственную деревянную, чёрную, как дёготь, дверь, снаружи которой прохаживался одинокий милиционер, делая вид, что охраняет захудалое посольство какого-нибудь Зимбабве.

«Задержанного, – в стакан!», отдал команду «Седоус», как прозвал его про себя сам задержанный. Через площадку лестничной клетки Вилора повели куда то вниз, по-видимому, в подвал. Внизу по длинному и тусклому коридору прогуливался ещё один охранник.

«Этого в стакан», – тот быстро обыскал Вилора, не найдя решительно ничего, затолкал его в маленькую камеру, где можно было только стоять. Размер «стакана» был примерно метр на метр, сидеть было негде, разве что на бетонном полу.

Только в этот момент до Вилора дошло, что им занялись серьёзно и влип он по-крупному, хотя и не смог бы обвинить себя ни в чём. Это его запоздалое прозрение совпало с грохотом двери, захлопнувшейся за ним сзади. Свет исчез сразу, окна не было, тьма окружила его. Вновь, как и у подъезда его дома, потянулось это медленное, ржавое и такое древнее время...

«Пришли они в конце летней ночи, несколько часов обыска в обоих квартирах, ожидание, дорога, уже наверно почти полдень», – подвёл итог произошедшему сегодня Вилор.

Стояла тишина, тьма растворялась в этой тишине, которая лишь иногда нарушалась извне неторопливыми шагами часового, которые то совсем стихали, то возникали вновь.

«Итак, они что то пронюхали про тетрадь и не могут её нигде отыскать, вот почему я здесь»: всё закономерно и удивляться не стоит, – подумал Зимин и от самой этой мысли к нему вернулось его обычное спокойствие и рассудительность. Время шло...

...Неожиданно раздался скрежет открываемого замка, дверь в стакан распахнулась, и напротив нового узника оказался молодой безусый узколицый конвоир.

– Руки за спину, выходи!

Вилор повиновался, вышел из камеры и пошёл по коридору к лестнице.

В небольшом спартанском кабинете, прямо под портретом «железного» Феликса, сидел его новый знакомый – майор Седоус.

«Присаживайтесь, Зимин,» – кивнул он на привинченный к полу железный табурет.

Вилор сел и только теперь смог отчётливо разглядеть того, кто окончательно нарушил его совсем недавнюю спокойную, и, казалось, очень размеренную жизнь. Слегка полноватый, большеликий, с лёгким двойным подбородком, неуклюже маленьким носом, как будто откуда то случайно взятым и пришпиленным во временное пользование, узкими полузакрытыми, но жёсткими глазами и короткими седыми усиками а-ля «ворошиловский стрелок». Седоус также молча разглядывал Вилора.

– Фамилия?

– Так Вам же она известна, – искренне удивился задержанный.

– Здесь вопросы задаю я, – жёстко, но с еле уловимой иронией в голосе произнёс дознаватель,

– А Вы, гражданин, отвечаете. Итак, фамилия?

– Зимин.

– Имя?

– Вилор.

– Год рождения?

– 1924...

И так далее, этот майор неторопливо, тщательно, но довольно скоро записывал его анкетные данные.

– Где сейчас работаете?

– В отделении разгрузочной терапии клиники доктора Николаевского. Устроился месяц назад.

«После разгрома вами Конторы», так и хотелось сказать Зимину, но он прикусил язык, памятуя, где находится.

Потом шёл длинный ряд анкетно-биографических подробностей, вплоть до родословной, где выяснилось, что задержанный далеко не пролетарского происхождения. Впрочем, Седоус

на этом не стал заострять внимания, наверно потому, что он и сам был, скорее всего, не из крестьян.

Наконец следователь прекратил задавать вопросы не по делу, и вновь, словно библейски змей, вперил свой немигающий взор в подследственного:

– С формальностями покончено, Зимин. Перейдём к делу. Где и у кого в настоящее время находится «Белая тетрадь?».

– Я не понимаю, о какой такой тетради идёт речь, гражданин майор.

– Сейчас ты быстро у меня всё поймёшь!, – майор неожиданно перешёл на ты, но лишь на миг. Вам, как изменнику Родины, грозит смертная казнь. Подписка о неразглашении государственной тайны, вот она, у меня: Седоус придвинул Зимину расписку о неразглашении шестилетней давности, при поступлении на работу в Контору Шефа.

Но он молчал.

– Этого мало? Ну что ж, тогда вот что....

Раздалась приглушённая трель звонка, в проёме двери возник конвоир.

– Хохлякова сюда!

– Есть!

Майор вновь перевёл взгляд на арестованного.

– А вот одного Хохлякова Вы изволите знать?

– Если это завсектором статистики нашего института, то да, я знаю его.

Вновь щёлкнул замок входной двери, в проёме которой появился конвоир, и, получив одобрительный кивок начальника, повернувшись вполоборота, протянул в кабинет страшную, в засохшей крови на лице, фигуру. Одет вошедший был в грязного цвета свитер, заляпанный бурыми пятнами.

– Вот он тоже вначале ничего не знал и не помнил в своей статистической работе, как и Вы, Зимин.

Но вскоре... стал вспоминать всё что угодно, даже то, чего никогда не было, – майор указал глазами в сторону сгорбленной приведённой фигуры, – и сейчас у него с памятью всё хорошо, да Хохляков?

Вот, к примеру, вы знаете этого человека?, – майор кивнул в сторону Вилора.

Вошедший что-то прохрипел нечленораздельное, похожее на хриплое аааа...

– А Вам, Зимин, известен этот человек? —

Вилор отнюдь не отличался слабыми нервами, однако он внутренне весь содрогнулся, глядя на Юрия, вернее, на то, что от него осталось.

– Да, это завсектором Института Хохляков Юрий. Но Бог мой, что же Вы с ним сделали то?

– Ничего особенного, просто мой коллега слегка перестарался для восстановления его памяти, зато Хохляков стал очень разговорчивым. Этот Ваш приятель по рыбной ловле скоро предстанет перед судом, как и вся ваша компания.

Какой же он врач, ведь помогал изготавливать яды для уничтожения людей, вместо того, чтобы продлять им жизнь, – тут Седоус улыбнулся ехидной улыбочкой, которую в будущем Зимин ещё не раз отметит на его внешне почти каменном выражении лица.

А про Вас Зимин, мы подзабыли как то.

Вы, как серая мышь проскользнули мимо ока безопасности, – с деланным пафосом проговорил следователь и добавил ещё:

– Но ничего, мы вам тоже восстановим память, сделаем это не спеша. Но могу лишь порадовать Вас, что вы *пока* не нужны суду.

Суду нужны такие, как Хохляков и прочие статисты. А Вы нужны товарищу Берия, и нужны ещё пока Родине. Пусть вас не смущает то, что я вам говорю, потом поймёте. Пока же всего лишь советую покрепче нажать на кнопки своей памяти.

Тут этот деловой майор закончил свой назидательный монолог и перевёл глаза на Юрия:

– Хохляков, у кого в Институте хранилась «Белая тетрадь?»

Тот с трудом расширил залившие от синяков и крови глаза:

– У самого Шефа, в сейфе.

– Кто, кроме Шефа, имел доступ к ней?

– Громов, его первый зам, и вот он, Зимин, наверно, больше никто, насколько я знаю.

– Слышали, Зимин?!

Заканчивайте играть в примитивную несознанку и корчить из себя идиота или патриота. Существование тетради доказано, осталось лишь выяснить, где она находится сейчас.

Майор вновь сделал небольшую паузу, и вновь продолжил, глядя на стоящий перед ним полутруп:

– Хохляков, Зимин мог пользоваться Белой тетрадью сам, выносить её из кабинета директора, забирать домой?.

– Я не знаю этого. Я могу сказать лишь, что почти всегда после летучек и планёрок Громов оставался у Шефа в кабинете. Иногда к ним присоединялся и Зимин. Спросите его самого, или Громова.

Наступила пауза...

«Ещё один умник, хотя уж должен, казалось бы, перестать умничать, а всё туда же», – пронеслось в голове гэбешника, – «если б этот чёртов Громов не исчез, я уверен, тетрадь давно бы была у меня на столе...»

Седоус недовольно посмотрел на обоих, раздался звонок и конвоир увёл Хохлякова.

– Итак, Зимин, скажите мне, чёрт вас дерит, где сейчас может быть «Белая тетрадь?», – вновь повторил майор свой вопрос,

– Поверьте мне, я не попугай, и не дятел, чтобы долбить одно и то же, хоть и приходится, делать это на моей работе!

Я приму все известные и неизвестные Вам меры, чтобы Вы заговорили, время у меня пока есть. Да время просто есть и всегда есть, оно никуда не исчезает. Те люди, которым не хватает времени, просто идиоты.

Мне хватит времени для того, чтобы сделать вас более разговорчивым. Вы меня понимаете?

В наступившей тишине повисла пауза, которую вновь нарушил Седоус:

– Лично Вы не пойдёте по «делу врачей» или других вредителей, как ваш Шеф или этот статист Хохляков. Пусть статисты и идут под суд, – майор зловеще ухмыльнулся, продолжая, – Хозяин давно уже разочаровался в Шефе и в его конторе, иначе бы Вы тут не сидели.

Послушайте меня внимательно, Зимин: я даю вам сутки на обдумывание: я от Вас ничего не скрываю. Почти не скрываю, – вы будете нам нужны. Но если будете упорствовать, как в начале допроса, придётся передать Вас нашим костоломам, тогда вы станете просто отработанным материалом, типа только что вышедшего отсюда.

А после них все, поймите меня, все становятся разговорчивыми, и плетут всякую ересь, всё что угодно. Однако мне не нужно, чтобы вы плели ересь, как все прочие, мне нужно, чтобы Вы говорили правду. И по своей воле, иначе наше сотрудничество будет проблематично. Итак, до завтра.

Вновь зазвенел звонок, Зимина повели в камеру. Дорогой он начал считать шаги. Вели его явно не обратно в стакан. Наконец они подошли к какой-то двери и Вилор оказался в довольно просторной комнате с окном-фрамугой сверху и решёткой за ним. Комната эта была, однако, совсем не тюремной камерой в обычном смысле..

Кровать была не железной, а сделана из какого-то тяжёлого тёмного дерева, заправленная белым покрывалом с возвышающимися тремя подушками в накрахмаленных наволочках. Чуть поодаль стояла такая же точно кровать, абсолютный двойник первой.

Между кроватями находился массивный дубовый стол с двумя стульями. На столе лежала стопка писчей бумаги, перо, стояла чернильница. Рядом с дверью стоял платяной шкаф. Однако вся мебель была жёстко присоединена к полу специальными кронштейнами.

Всё ж это была камера, хоть и неожиданно комфортная. Вилор был потрясён; он всего ожидал, но только не этого. Он думал дорогой, что окажется в камере с жадными клопами, перемешанными со стукачами, а то и кем похуже.

В недоумённом расколоте состоянии сознания он прилёг на кровать, скинув штиблеты на чистую плитку пола комнаты..

Его мозг стал постепенно цепенеть и проваливаться в пустоту. Потом была какая то яркая вспышка и наступило забвение.

Зимин провалился в самый глубокий сон без сновидений. Его окутало полное небытие. Мир был наконец то остановлен в своём изнурительном беге и отстал от него в своей торопливой назойливости.

Часть первая

*Мы имеем не знания, а варианты их
Неизвестный.*

Ласковое майское солнышко пригревало стылую землю неназойливо и не знойно, как в апогее лета, а приятно и жизнеутверждающе, как только это бывает в самом разгаре весны. В воздухе стояла смесь пряного аромата сирени, жимолости и особенно жасмина, чей сладковато-терпкий запах всегда нравился Зимину, как и его белоснежно белые и девственно искренние цветки, сквозь которые несущие их зелёные веточки лишь слегка проглядывали.

Вилор шёл по асфальтированному тротуару мимо одиноких и скучных пятиэтажек, вновь погрузившись в свои рабочие грёзы. Дело, которое он задумал, несомненно, должно принести ему успех и, к тому же, неплохие дивиденды. Собственно, и делать уже почти ничего не надо было. Осталось лишь связать все рассыпанные осколки его многолетней работы в мозаику.

Только, связать так, чтобы всё сложилось в достаточно *предсказуемую* мозаику... Ведь непредсказуемость результата в его деле должна сводиться к минимуму.

Однако в его последней идее всё же чего то не хватало, какого то важного, всё замыкающего звена. Иначе он уж давно бы пошёл к Звягину, и, как обычно, заразил бы его своей молодой напористостью и уверенностью в успехе.

Этой новой идее в буквальном смысле не хватало только связки. Связки похожих и непохожих компонентов в одно целое...

Как то совершенно неожиданно потемнело вокруг. Он взглянул вверх на небо, которое в минуты этих его раздумий оказалось затянутым тучами, толстыми, но быстрыми, среди которых выделялось самое крупное и тёмное, похожее на распластанную шкуру чёрного гималайского медведя.

Ветра, как не странно, не наблюдалось, как вдруг первые капли дождя начали выбивать пыль из той поверхности земли, где не было вездесущего асфальта, а на самом тротуаре оставляли крупные водяные слёзы. Дождь усилился, гроыхнул гром, а через несколько секунд уже начался настоящий ливень, шум падения воды которого не могли переспорить даже проезжавшие по улице редкие автомобили

Зимин стоял под навесом пустынной автобусной остановки, и, наблюдал за дождём, вмиг ставшим мощным ливнем, не собиравшемся, слишком скоро заканчиваться.

Теперь вдруг поднялся и ветер, нося потоки падающей воды туда и сюда, одаривая ими одиноких беспечных прохожих, снующих по своим неотложным делам.

Вилору вдруг стало радостно от происходящего, от свежего воздуха, от весёлых брызг дождя. Мысли о работе оставили его, он стал наблюдать за разворачивающимся перед ним действием природы.

Этот тусклый обычный городок, где он сейчас находился, слегка начал забывать весну, покрылся пылью наступающего лета, но этот дождь внёс пробуждение в его обыденный сон.

Гром прогрехотал ещё несколько раз, ливень постепенно стал сдаваться, однако тучи не рассеялись, как это бывает при коротких майских грозовых ливнях.

Зимин посмотрел на куст жасмина, росший позади остановки. Было видно, что он недавно расцвёл, и поэтому дождь своими крупными каплями был не в силах нанести его белым весёлым цветкам никакого вреда.

В то далёкое время Вилор был ещё очень молод, и он смутно представлял себе, что может быть когда либо старым, и вообще, что такое старость, нет, даже не старость, а зрелость, то есть состояние пожилого человека или человека, уже утомлённого жизнью.

Он видел, очень много стариков и старух, то ещё внешне бодреньких, а то уже еле ковыляющих по тропам жизни, тротуарам городов и пыли недавно отгремевшей войны. Но вот сам он не чувствовал изнутри себя: каково это быть старым: ведь молодости это абсолютно несвойственно, для неё это пока просто воображаемая теория, которая на практике смотрит на тебя лишь чуждыми глазами стариков.

...Вновь выглянуло солнышко, сначала очень робко, чередуя свои тёплые и яркие выцветы с серой мозглотой уходящих на восток туч. Вилор медленно побрёл прочь от остановки.

До отхода поезда было ещё часа три, и ему очень не хотелось возвращаться в прокуренную постояльцами комнату замызанной районной гостиницы, где пришлось ночевать всего лишь одну ночь...

* * *

Отец Вилора, Борис Евгеньевич Зимин приветствовал Октябрьский переворот, несмотря на хорошее знание истории вообще, и древнего Египта, в частности, так как его направление в науке заключалось в изучении археологии Среднего Востока и, отчасти, египтологии.

Он хорошо знал об обычном парадоксе древних революций, когда угнетаемые сами становились угнетателями в случае успеха любого переворота: левого, правого, верхнего, нижнего или смешанного. Как иногда он говорил своей жене, да и просто в узком кругу друзей, в этом контексте «происходила лишь игра теней».

Но он также знал, что история обществ есть процесс, а процессы на то и процессы, чтобы быть и происходить, чтобы эти самые общества не могли загнивать и застаиваться, и они, процессы должны всегда приносить что-то новое. Ну, на худой конец, хотя бы представляться чем то новым, даже и для учёных мужей.

Поэтому, когда умер первый вождь, – Ленин, заваривший со сподвижниками всю революционную кашу в России, то Зимин-старший назвал родившегося в том же году сына в его честь, как тогда и было модно не только в народе, но и в среде новой, советской интеллигенции, к которой он причислял себя лишь отчасти.

– Владимир Ильич Ленин – Революция, то есть – Вилор, чудо, да мать, – говорил он своей жене Светлане, – с таким именем он далеко пойдёт. И в жизни и в науке, так что у нашего сына застоя не произойдёт – профессором будет обязательно, вот увидишь. Ввиду своих занятий египтологией, шумеризмом и прочими реликтами, Борис Евгеньевич имел слегка мистическое мировоззрение и верил, что имена и названия много чего значат в жизни человека, и даже, в какой то мере могут определять его судьбу.

* * *

Вилор на мгновение прервал свои воспоминания, потому что внезапно заметил, что вдруг оказался в небольшом зелёном скверике с рядом пустых и свежеекрашенных скамеек. Потрогав пальцами ближайшую из них, светлого жёлтого цвета, и, убедившись, что краска давно высохла, он присел на неё, расслабился, и, слегка как бы задремав, вновь погрузился в то состояние, когда в его уме сами собой начали возникать картинки начала его чудесной и славной жизни. Так он думал тогда, так был уверен в этом и теперь, несмотря на войну и лишения собственной жизни.

* * *

Их семья занимала три комнаты большой коммунальной квартиры, причём одна из них представляла собой симбиоз кабинета и склада отца Вилора – Бориса Евгеньевича, учёного историка, египтолога и сакрального археолога, одного из лучших учеников самого профессора Туреева.

Этот профессор Туреев был до Октябрьского переворота общепризнанным мировым авторитетом в области древней египтологии и шумероведения. Профессор, впрочем, Октябрьский переворот не принял и долго его не пережил: этот, по его выражению, «подстроенный бунт черни, спровоцированный масонскими кругами», названный позже революцией в собственной стране он считал катастрофой.

В отличие от своего учителя, Зимин старший, наоборот, приветствовал падение застарелого и «гнилого» самодержавия, установление Временной республики и даже Советской власти.

Хотя будучи историком, как уже упоминалось, не мог не понимать, что любая революция рано или поздно заканчивается стагнацией и реставрацией в том или ином виде, как это было более ста лет во Франции или 3750 лет назад в его любимом обожаемом Египте. Он знал, что любая революция пожирает своих героев или хотя бы некоторую часть их. Знать то знал, но никак не применял к своей собственной жизни, поэтому впоследствии поплатился за свою безопасность...

Борис Евгеньевич часто бывал в разъездах и длительных командировках, и когда его не было дома, его комната-кабинет была всегда закрыта на замок, даже мама без отца не заходила в неё.

Но зато, когда он приезжал и бывал дома, она всегда была открыта, отец сидел в ней и работал. И эти дни были самыми радостными для Вилора и его старшего брата, Ивана.

Отец был крупный, могучий человек почти двухметрового роста, он сгребал обеих сыновей своими громадными лапищами, заносил их в свой кабинет и усаживал за большой, вырезанный из натурального дуба, письменный стол, обитый зелёным сукном. Сам он садился в эти моменты не за кресло, стоящее в центре стола, а подсаживался поближе к детям на высокий табурет, похожий на тумбу.

Борис Евгеньевич доставал с книжного шкафа огромные фолианты один за одним, с многочисленными иллюстрациями в виде гравюр, рисунков, картин и разнообразных зарисовок. Вилор с братом видели на этих изображениях битвы, морские сражения, различных королей, князей и всевозможных святых людей...

Немногим позже, взрослея, Вилор воображал себя то странствующим рыцарем прошлого, то поэтом, то алхимиком, так он входил в реальность этих картин и забывал себя.

Чуть позже Зимин старший начал давать им сначала для просмотра, а вскоре и для обучения ещё и дореволюционную азбуку, не испорченную нововведениями реформаторов от пролетарской революции.

По мере взросления детей он показывал им географические атласы, глобус, место России, а теперь уже Советского Союза, на Земном шаре. Так он вводил своих отпрысков во всё расширяющийся для их растущих и познающих мозгов, внешний мир. Этот мир, что он сулил маленькому мальчику, что обещает он каждому из нас?

В результате всего этого, когда целенаправленного, а когда спонтанного обучения, по ночам маленькому Вилору начали сниться дальние страны, горы, моря и океаны, путешествия и встречи с людоедами и странствующими рыцарями, пиратами и искателями сокровищ. А иногда он воображал себя то непримиримым Дон Кихотом в его борьбе за непонятную пока

для него чудную любовь, либо с ветряными мельницами, то отважным Квентин Дорвардом, стоящим насмерть за честь прекрасной дамы...

Было где разгуляться формиравшемуся интеллекту мальчика: две стены кабинета отца были до самого потолка уставлены книгами; свою лепту в формировании мировоззрения растущих детей вносила и мать. Бывало и так, что отец вставал, прохаживался вдоль стеллажей с книгами, и вдруг доставал какой-то новый, неизвестный им ещё том, клал на стол перед ребятами, показывал им иллюстрации, а сам рассказывал, для чего и почему они появились здесь, в этой книге.

Эти моменты наедине с отцом, его старания привить страсть к познанию и чтению, Вилор запомнил на всю свою долгую жизнь, как и почти все те вещи, о которых рассказывал или показывал его отец...

Как то Борис Евгеньевич достал старый большой фолиант с красивыми рисунками, изображающими пирамиды. Пирамиды были разные, большие и маленькие, ступенчатые и гладкие.

Среди них были и небольшие скошенные пирамиды со ступенями.

– Это так называемые мавзолеи, в которых хоронили древних царей, которых называли в Египте фараонами, – сказал отец.

В то далёкое время старший брат Вилора Иван уже пошёл в первый класс школы и был со стороны окружающего его общества идеологически подкован, поэтому и спросил:

– Как у Ленина?

– Да нет, сын, это у Ленина теперь такой мавзолей, как у тех древних царей, – ответил Борис Евгеньевич, вызывая озадаченность у советского школьника:

– Папа, а как же так, наша революция царя свергла, а Ленина похоронили как древнего царя, в мавзолее?

– Ваня, его похоронили не как царя, а как вождя трудового народа, который отдал за его освобождение всю свою жизнь.

Но по лицу Ванюшки было видно, что ответ отца его не удовлетворил.

Маленького Вилора же в тот момент занимало нечто другое. Ему было совершенно ни до царей, троцких и лениных, прочих самозванных и якобы, общепризнанных, но не вполне легитимных, вождей. Его возраст был ещё не тот, чтобы разбираться в перипетиях политики. У него пока имелась другая привычка. Он просто любил считать, так как только недавно научился этому делу. Маленький Вилор считал всё подряд, куда только не падал его взгляд.

Ложки и вилки с тарелками на столе, число стаканов и тараканов, особенно ему нравилось считать число этажей зданий, как только выходил на улицу. Он считал, сколько встретил прохожих на пути в детский сад через дорогу, сколько минут осталось до обеда и сколько бантиков завязано на головах девочек в этом садике.

И здесь, на рисунках этих древних мавзолеев он считал их ступени или этажи, как про себя он их назвал. И вдруг маленький мальчик понял, что ступеней всегда было почти одинаковое число на всех показанных отцом изображениях. Их было четыре, пять или шесть соответственно.

И тут его «почемучки» атаковали отца с научной бескомпромиссностью истинного исследователя:

– Папа, почему же у всех этих мавзолеев всегда 4,5 или 6 ступеней?

Впрочем, последних рисунков зиккуратов с шестью ступенями было всего два, а также изредка встречались и трёхступенчатые мавзолеи.

Борис Евгеньевич от неожиданности вопроса просто пересел с высокого табурета в кресло, наверно для того, чтоб не упасть с высоты тумбы. Если Ванюшин вопрос его удивил, то Вилора просто поразил до глубины души.

И он решил сказать своим сыновьям правду, вернее лёгкую полуправду, которую те властители былых времён, как, впрочем, и времён текущих, приуготавливали для своих горячо ими любимых подданных.

История вообще наука туманная, если её вообще считать за науку. Как говаривал ещё наш любимый Пушкин Александр Сергеевич, например, в России всегда есть три истории: «Одна для гостиницы, другая для гостиного двора, а третья для гостиной». В других государствах, видимо дело обстоит не лучшим образом, впрочем «каждый суслик в своём поле агроном»...

Зимин старший понимал это выражение великого поэта.

Поэтому он и сказал растущему отроку:

– Виль, ты наверно заметил, что чем более, выше мавзолеей, тем у него и ступеней больше. Тут всё зависело от заслуг древнего царя или вождя.

В древнем Египте для фараонов делали целые пирамиды, и без всяких ступеней, а мавзолеи – в Шумере, Вавилоне, в Икстлане, в других древних странах. Самым великим царям сооружали даже девятиступечатые мавзолеи, но у меня нет таких фотографий..

Тут в разговор вновь вклинился Ванюша, у которого мавзолеей на Красной площади всё не выходил из головы:

– Надо поехать посчитать, сколько всего ступеней у мавзолея Ленина!

– Не надо куда ехать, и не надо ничего считать, отвечал отец.

– Я вам и так всё расскажу. Ступеней у мавзолея Ленина всего пять, если считать и последнюю.

– Да? Немного. Значит наш вождь не такой уж и великий, если у какого то царя в древности было аж целых девять ступеней в пирамиде!

На этот убойный аргумент Ванюши, Евгений Борисович просто и не знал, что ответить, он лишь вновь промямлил, что, мол, Ленин не царь.

Тяга к знаниям у Вилора была, очевидно, генетическая. Друзей в школе, когда он пошёл туда, так и не нашёл, предпочитая проводить время в разговорах с матерью, либо отцом, и в общении с книгами уже теперь доступного ему кабинета Бориса Евгеньевича.

Знания. Он хотел лишь одного, – знания. Больше знания – вот чего он желал всей своей душой, когда был ребёнком, да и всю свою последующую жизнь. Сам не зная почему и отчего, не задумываясь об этом, он и впитывал эти знания, как губка, от близких ему людей, а это были его мать и отец, и, конечно же из книг.

Главным учителем в раннем детстве, был, конечно же, отец. Когда Вилор был дома, стоило только раздаться звонку в передней, как он стремглав выскакивал туда, чтобы посмотреть, не отец ли это приехал...

Был у мальчиков ещё один учитель – это дед по матери, Александр Еремеевич, в то далёкое время живший в глухой деревеньке где то в Валдайском крае, куда ещё ребёнком начали отправлять на всё лето Ивана и Вилора, начиная с того года, как он пошёл в школу. Влияние этого деда на мальчика – это отдельная тема, и мы вернёмся к ней позже.

И, наконец, мать Вилора, – Светлана Александровна. Само по себе чрезвычайно чудесное создание, которое не сломили ни будущая трагическая смерть мужа, ни войны, ни революции, ни швондеры.

Светлану Александровну отличал мягкий и ровный характер; что такое повысить голос, это было не про неё. Она была истинная аристократка по крови и воспитанию, и происходила из старинного русско-литовского рода, по семейному преданию, восходящему к самому Гедмину. Её тонкий и изящный вкус к прекрасному, доброму и вечному был привит также в свою очередь, матерью Светланы. Превосходное и широкое дворянское воспитание, включая зна-

ние нескольких иностранных языков, она получила дома, от учителей, специально подобранных и нанятых её родителями. Вышеописанное не значит отнюдь, что мать нашего героя была простой аристократической куклой, о нет! Просто человек подобного рода и воспитания умел сдерживать эмоции в себе, не проявляя их даже с близкими, не говоря уже об обществе.

Кроме того, уже позже она закончила Петербургский Смольный Институт. Как и все образованные люди той, уже давно ушедшей в небытие времён, самодвижущейся эпохи, она великолепно музицировала, умела танцевать, однако, отдавая предпочтение тихой и спокойной музыке Гайдна, Листа и Шопена, неплохо разбиралась в вопросах истории, и отнюдь не академической, а, тем более, советской. Любила литературу, особенно русскую классику, а из французской предпочитала романтиков вроде Дюма; а не трагиков-депрессантов, типа Золя или Гюго. Реализм жизни она испытывала в то время своим собственным бытием, хотя и прочитала как то в молодости пару романов Золя.

Однако, несмотря на любовь и выходящее из неё счастливое замужество, Светлана Александровна постоянно чувствовала свою нереализованность в этой жизни. И, скорее всего, из-за того, что она не могла отдать свои знания другим людям, и именно из-за смены эпох в сторону деградации высшего.

Работая уже теперь в советской школе учителем русского языка и литературы, её деятельность была зажата жёсткими рамками новой программы по этим предметам, составленной шустрými луначарскими с покровскими, из которых, как любой творческий человек, она пыталась всегда выходить, иногда тщетно и напрасно, а когда и удачно, лишь весьма изредка находя благодарных и понимающих учеников.

Рождение же сыновей, их воспитание, отчасти снизили эту неудовлетворённость и открыли ей новые возможности. Как женщина, она была уже реализована, а как человек находила эту реализацию в воспитании сыновей.

Это воспитание и образование детей со временем стало более главным делом её жизни, чем работа по ложно пафосным и нудным школьным программам, написанными поверхностно образованными людьми, бывшими в то как бы второстепенными столпами прошедшей революции. Однако, надо понимать, что тогдашнему, школьному образованию было не до аристократизма, поскольку вопрос стоял об искоренении безграмотности в стране.

Развитие способностей у мальчиков происходили, на первый взгляд, само собой, но на самом деле управлялось именно матерью, а направлялось отцом.

К поступлению в школу Вилор, кроме русского, мог говорить и на французском, и на английском, причём русской грамматикой он владел в двух вариантах: как дореволюционной, так и советским послереволюционным новоделом в обработке всё того же Луначарского и компании.

Кроме того, во время пребывания в деревне у деда Александра, последний ознакомил его с азами древнерусского и церковно славянского языков, о первом из которых мало кто тогда, да и сейчас имел хотя бы отдалённое понятие... дед его был кладезем познания. но о том ещё речь впереди.

Всё шло своим порядком, дети росли и развивались, Светлана Александровна стала ощущать вкус спокойного семейного счастья, а Зимин-старший большую половину времени проводил в командировках. Жизнь налаживалась. Интеллигентная семья, возвращенная на дореволюционных, аристократических дрожжах, стала постепенно походить на обычную советскую семью, по крайней мере, внешне.

Именно внешне, потому что та же Светлана Александровна в глубине души так и не смирилась окончательно со своим положением обычной учительницы, хотя вскоре ей и пришлось это сделать против собственной воли.

* * *

...Маленькому Вилору было чуть более десяти лет, когда эта внешне спокойная и идиллическая жизнь внезапно закончилась. Однажды поздним ноябрьским вечером отец приехал домой в сопровождении военных людей, устроивших обыск в его кабинете и перевернувших там всё вверх дном. Действовали эти люди молча и уверенно, лишь изредка что то спрашивая Бориса Евгеньевича. Обыск, завершившийся за полночь, привёл к полному исчезновению отца из жизни его близких.

Что-то неуловимо изменилось в атмосфере семьи, и тем более, детей. Светлана Александровна внешне держалась всё также невозмутимо, однако никто не знает, как дорого ей стоило это внешнее спокойствие.

Но, как говорится, всё проходит, и боль утраты мужа заглаживалась всё тем же временем и заботами о детях. Мальчики росли, один за другим заканчивали школу. Иван поступил в лётное военное училище, готовился стать советским офицером.

Вилор также, долго не думая, по совету матери поступил в медицинский институт, подальше от древней архитектуры, археологии и связанной с ней, как оказалось, политики, сгубившей его отца. После ареста и исчезновения в недрах лагерей Бориса Евгеньевича, Светлана Александровна ожидала худшего в отношении себя, а особенно детей. Однако ничего подобного не произошло. Её не вызывали в соответствующие органы, даже не уволили с работы, а оба сына благополучно поступили в вузы и, со временем, также удачно из закончили.

Когда она годом позже после ареста мужа приехала с сыновьями в деревню к Деду Еремеевичу, тот высказался просто:

«Твой Борис много знал об устройстве этой власти и как она работает. Да и не только эта бесовская Советская власть. Любая власть, эта, либо какая то иная. Особенно власть так называемой буржуазной демократии, которая всего на всего лишь есть примитивная услуга всё тех же пресловутых денежных мешков, в чём отчасти правы эти треклятые большевики. Но эта их власть у нас в России не совсем обычная, это слепок с прежней, монархической власти, но слепок крепкий, и по всему видно, что она надолго.

Ведь эти люди знали, как власть захватить, а самое главное, – надолго, очень надолго удержать. Много тысяч лет назад власть в таких древних государствах, как Египет, Шумер и Вавилонии была постоянной и прочной, хоть менялись цари и династии. Но сам принцип был неизменен. Основа была магически сцементирована, не подлежала реформированию, и потуги изменить её структуру заканчивались ничем. Вспомни того же Эхнатона, ты же знаешь, чем он закончил? Полной обструкцией и многовековым забвением.

А твой Борис очень много знал, знал устройство этой власти, самое главное, что он знал устройство мавзолея главного современного российского фараона, сам был участником его проектирования и сооружения, а такие знания власть не прощает. Твой муж попал под категорию людей «слишком много знающих», дочь.»

Действительно, вслед за исчезновением Зимины-старшего в многострадальной стране началась очередная «охота на ведьм», периодически накатывающаяся на учёных в последние лет двадцать. Было дело инженеров, дело египтологов, были арестованы и уничтожены Вернадский, Вавилов, к стене отчаяния на грани выживания прижаты генетики и прочие «вейсма-нисты-морганисты».

Александр Еремеевич тогда много чего ещё говорил Светлане Александровне, объясняя ей случившееся с мужем, успокаивая и настраивая её на продолжение жизни, какая есть, но тогда Вилор был ещё слишком молод, многого не понимал и не запомнил.

Единственное, что он тогда осознал, этот одиннадцатилетний мальчик, что власть есть нечто чёрное, безжалостное, в грязно-синих мёртвых ромбических околышах, проникающая

повсюду и тянущаяся прямо к твоему сердцу, чтобы запугать тебя и захватить твою душу. Страх есть основа любой власти, понял Вилор. И тогда он решил навсегда закрыть от этой власти сердце, со всеми его чувствами, как от врага своей души.

Именно от власти над людьми, но не от людей.

* * *

Солнце сбегало наконец от надоедливой тучи и своим явлением открыло глаза Вилору. Он поднялся с цветастой весёлой скамейки и пошёл на вокзал. Дождь исчез, оставив за собой следы в виде разнообразных луж. Командировка его была не из удачных, препарат не подействовал на умирающего больного так, как ожидалось, и причину этого он и должен был выяснить...

Данные отдела статистики по применению мериллита утверждали, что изменения к лучшему наступали в 80 – 85 процентах случаев применения лекарства. Ох уж эти проценты! Ведь Вилор знал по имени каждого больного, как выжившего, так и умершего.

Значит, здесь этот Ющенко принадлежал к тем пятнадцати процентам, коим, увы, было суждено умереть. Вилор прокручивал в голове причины неудачи, но так и не пришёл, ни к какому выводу. Ранее было известно, что часть неудач происходило от малой дозировки препарата. Лекарство просто не действовало при слишком малых дозах на онкологических больных. Поэтому при весьма малой дозировке препарата, процесс выздоровления не происходил вообще, как будто бы лечение не осуществлялось вовсе. При хронических, неизлечимых, современной медициной, болезнях, эффект плацебо и малых доз не срабатывал.

Однако, при передозировке, летальный исход был также предопределён, как будто раковые клетки получали дополнительный допинг и размножались с утроенной силой. Оппоненты, а, тем более, завистники Вилора в Конторе вообще ставили его препарат под сомнение. Посему учёные, а тем более и те, кто непосредственно отвечал за конкретного больного, и опасались, прежде всего, передозировки лекарства, чтобы не сделать ещё хуже.

Он с грустью подумал: «Процент неудач будет всегда, особенно, при невозможности сделать на сто процентов верную диагностику, от которой и зависит дозировка в каждом случае. Только верная диагностика может определить дозировку.»

Кроме того, он прекрасно понимал, что даже двум больным с одинаковым диагнозом должна быть предписана разная дозировка средства, исходя из истории болезни, анамнеза, конституции больного и прочих неравных условий. Лекарство действовало эффективно, но избирательно.

Иногда доходило и до трагиказусов: у них в закрытом стационаре Института наблюдался и лечился вскоре после войны один из высших партийных деятелей, страдавший неизлечимой саркомой сердца, правильно подобранная доза мериллита поставила его на ноги, совершив чудо. Но, тем не менее, жизнь сановника вскоре трагически оборвалась: он был арестован и вскоре расстрелян, как «враг народа» или же скрытый космополит, короче, стал неуютен Хозяину, поэтому никто так и не понял, в чём была его вина, и была ли вообще. Пропаганда в виде радио и газет делала своё дело, а ей Зимин никогда не верил, памятуя наказания Деда... «Не бывает независимой пропаганды, не верь, всё всегда зависимо».

В тот раз Вилору подумалось, что, умирая от болезни, человек зачастую обретает намного более лучшую участь, чем иногда продолжая жить свою во многом предсказуемую жизнь.

Одно теперь было несомненно: вопрос излечения каждого конкретного больного всегда зависит от конкретной дозы мериллита, которая должна быть строго индивидуальной для каждого пациента. Дозу назначает врач. А врачей подобного профиля у нас практически нет, работы же ведутся с особой секретностью.

Эти секретные инструкции по применению новых средств пока были разосланы всего по семи основным городам страны вместе с базовым препаратом, – мериллитом. Трёхдневные курсы повышения квалификации для местных врачей были явно не достаточны.

В последнем случае доза явно была малой, ведь больной прожил довольно непродолжительное время, после того, как ему начали вводить препарат. Так что срочный приезд Зимина сюда ничего не решал, и последний прекрасно понимал это. Он был бессилён перед этой частной смертью.

Так, размышляя, Вилор дошёл до вокзала, где до отправления его столичного поезда оставалось минут двадцать. Он подошёл к перрону, отыскал свой вагон, добрался до купе, и, не обращая внимания на случайных попутчиков, забрался на верхнюю полку и сразу уснул, как только поезд пришёл в движение. Напряжение уходящего дня было слишком сильным, его можно убрать лишь хорошим сном, что Зимин и сделал.

* * *

В 1943 году Вилор Зимин экстерном закончил своё медицинское образование во Втором Медицинском институте столицы и добровольцем ушёл на фронт.

Его прикомандировали к полковому госпиталю Н-ского фронта, которым в то время командовал талантливый полководец Константин Константинович Рокоссовский.

В госпитале Зимину предоставили место по профилю терапевтического врача, отвечающего за послеоперационное состояние прооперированных больных. После операций раненых сортировали – тяжёлых отправляли в эвакогоспитали, а остальные долечивались на месте, с тем, чтобы вскоре вновь отправиться на передовую. Был уже конец этого решающего и переломного года войны. Только что позади была Курская дуга, фронт медленно но уверенно начал продвигаться на запад.

Энтузиазм войск рос с каждым шагом этого продвижения и в победе более уже никто не сомневался. И этот предвкушаемый запах победы в это самое время начал покорять запах смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.